

Роль для Орловой

(Об одном недописанном либретто и несостоявшемся замысле)

Юрий СААКОВ

моргает ей, тужится, краснеет и, наконец, падает с инструментом и Леонорой. Катя в ужасе бежит из цирка. Шишкин, в ярости раскидав всех, бросается за ней. Остальные силачи – тоже. Катя ныряет под заборы, пролезает в щели. Огромные силачи бьются о препятствия, обегают их, отстают. Шишкин крушит все на своем пути: опрокидывает заборы, переворачивает телеги. Катя забегает в свой двор. Ее ждет возмущенный хозяин и бьет за то, что она пошла в цирк. Вбегают циркачи и... вступают за Катю. Шишкин запросто выкидывает мещанина Зуева за забор. Катя уходит от хозяина, сама не зная куда. Силачи утешают ее и ведут к себе в цирк. Там директор уже подсчитывает возможные убытки от буйства Шишкина. А он мирно ведет Катю за руку. Подведя ее к Леоноре, спрашивает:

– Почему ты не кричала “Хватит!”?
Катя объясняет, что была захвачена игрой.
– Что же ты такое играла? – спрашивают циркачи Леонору.
Та смеется: Я каждый вечер это играю.
– Мы-то своим делом заняты, – признаются циркачи. – Разве мы слышим! Ну-ка, сыграй!

Леонора вдохновенно играет. Циркачи плачут. Завороженная музыкой, Катя мечтает стать пианисткой. Леонора учит ее играть. Теперь Катя работает в цирке: кормит тощего льва, чистит медали силачей. Катя уже научилась играть так, что Леонора выпускает ее на манеж вместо себя, а сама в нужный момент должна крикнуть “Хватит!”. Но поскольку сама очарована игрой Кати, то тоже забывает это сделать. Шишкин моргает ей, но видя, как увлечена Катинной игрой Леонора, побивает все рекорды выносливости. Такого не в меру сентиментального богатыря должен был сыграть Борис Андреев, исполнивший перед этим у Александра во “Встрече на Эльбе” роль Егоркина, адъютанта главного героя.

КОНСЕРВАТОРСКИЕ РАЗБОРКИ

Цирк переезжает в Москву. Леонора пытается определить Катю в консерваторию. Катя поселяется в студенческом общежитии, в комнате, где до нее жил студент Сосницкий. Только она входит в комнату, как под дверь подсовывают письмо – объяснение в любви Сосниக்கு. Катя приходит в консерваторию и сразу влипает в студенческую забастовку, которую пытается сорвать все тот же Сосницкий. Катя передает ему письмо и влюбляется в красавца Сосницкого. И на митинге выступает в его поддержку, против студента-революционера Зворыкина. Ее выступление становится решающим, и на стороне Сосницкого оказывается большинство. Забастовка срывается. Начальство, естественно, довольно Катей, ее без экзаменов принимают в консерва-

торию. Более того – отнимают стипендию у бунтовщика Зворыкина и отдают Кате.

Учиться трудно. Для заработка приходится подхалтуривать тапером в кинотеатре (и это тоже из жизни самой Орловой – и в консерватории, и после нее актрисе приходилось подрабатывать таким способом). Всю жизнь Любовь Петровна хранила “Инструкцию”, где предписывалось, какую музыку когда играть: погоня или драка на экране должны были сопровождаться фокстротом или галопом, объяснение в любви – вальсом-бостоном. В особенно страстных случаях рекомендовалось жгучее танго. Однако Орлова и представить себе не могла до чего додумается ее героиня в “ДО и ПО”. Когда рвалась пленка и ее склеивали (а в то время это продолжалось долго), Катя играла публике “настоящую”, не таперную музыку. Когда фильм неохотно “рвался”, она договаривалась с киномехаником, что тот порвет пленку специально. Однажды киномеханик, восхищенный ее игрой, даже затянул склейку. Часть публики потребовала вместо фильма музыку. Дело дошло до потасовки. Катя, пытаясь разнять поклонников классики и экранного ширпотреба, разозлила всех еще больше. В результате, кинотеатр разнесли, а Катю выгнали.

Катя устраивается к врачу-шарлатану, исцеляющему музыкой слепых. Врача, по замыслу Александра, должен был изобразить Игорь Ильинский, до которого, после Бывалова в “Волге-Волге”, он не раз пытался добраться. Можно представить, как смешно да еще с текстом Эрдмана, исцелял бы Ильинский (достаточно вспомнить его собственные “исцеления” в “Празднике святого Йоргена”).

Вскоре обман врача-шарлатана начинает бесить Катю. На одном из сеансов “музыкотерапии”, доведя больного до экзальтации, она неожиданно обрывает музыку “исцеления”, и слепой, начавший было “видеть”, снова “слепнет”. Больной, естественно, избивает врача, врач, разумеется, прогоняет Катю.

Консерватория закончена. Выпускники фотографируются с попечителем. Всем хочется быть к нему поближе, толкаются, наступают на ноги. Долгую – до 40 секунд! – выдержку никто не выносит. Приходится переснимать. Уставший фотограф, закончив съемку, падает в обморок. В “Светлом пути” смешного фотографа сыграл Владимир Хенкин. Здесь же намечался не кто-нибудь, а Борис Петкер (его героя в “Весне” звали сначала Иван Абрамович, а потом Акакий Абрамович и на жалобу артистки Шатровой: “Я ведь почти ничего не делаю в театре”, он отвечал: “Все мы почти ничего не делаем в театре”).

После консерватории начинаются поиски работы. Можно было, конечно, как не постеснялась сделать сама Орлова, – вернуться тапером в кинотеатр, но ее героиня, будучи дипломированным музыкантом, считает это ниже своего достоинства. Наконец, известный музыковед (на эту роль планировался Павел Массальский) приглашает Катю иллюстрировать его доклады о Чайковском. Во время одного из таких докладов Катя слышит, как музыковед на чем свет несет композитора, и в знак протеста вдохновенно играет Чайковского. Публика аплодирует ей, слушает только ее и прогоняет музыковеда со сцены.

Еще на съемках “Цирка” Александров признавался Павлу Массальскому, с блеском сыгравшему злодея Кнецшица, что навсегда испортил ему кинокарьеру.

– Почему?
– Вам никогда не играть в кино положительные роли!
“И он хохотал, – вспоминал актер. – И я хохотал. Но он оказался прав”.

Музыковед мстит Кате, публикует статью о ее прошлом “Кухарка в музыке”, запускает на ее концерты клакеров, срывает их, и Катя снова остается без работы.

ЕСЛИ БЫ НЕ ШТУРМ ЗИМНЕГО...

Когда снова приезжает цирк, Катя просит взять ее на место Леоноры (она умерла). Шишкин с удовольствием соглашается. На первом же представлении состарившийся силач не выдерживает и падает вместе с Катей и роялем прежде, чем услышал “Хватит!”. Катя в отчаянии бежит из цирка и решает утопиться. Дело происходит в Петрограде, и мимо Зимней канавки, куда собирается броситься Катя, матросы идут штурмовать Зимний дворец. Самый ужасный в жизни героини вечер оказывается вечером 25 октября 1917 года. Александр не без удовольствия констатировал: “Я всегда замечал за собой это свойство: глаз мой просто не может проглядеть смешное”. Так и штурм Зимнего, который в его с Сергеем Эйзенштейном “Октябре” был героико-патетическим, в “ДО и ПО” превращался почти в водевиль.

Матросы, спешащие к последнему оплоту самодержавия, все-таки пытаются оттащить упорно сопротивляющуюся Катю от Канавки: “Погодь, девушка. Завтра все переменится... Пожалеешь!” и бегут дальше. За спиной Кати гремит выстрел – надо полагать, “Авроры”. Она от страха изо всех сил мчит прочь.

Так заканчивалась первая часть александровского либретто – “ДО”. К сожалению, до второй его половины, “ПО”, режиссер не добрался. Товарищам из ЦК и лично САМОМУ показалось, что Григорий Васильевич может сделать фильм о Глинке лучше, чем это сделал три года назад Лео Арнштам. И как ни удивлял от лестного предложения режиссер, занятый мыслями о “ПО”, пришлось согласиться и, извинившись перед Арнштамом, сделать “лучше”. А после “Глинка”, на съемочной площадке которого отпраздновали 50-летие, еще не скрывавшей своих юбилеев Орловой, она сама – хоть и обтандцевала, говорят, на этом торжестве половину “Мосфильма” – усомнилась в своих “молодежных” возможностях. Правда, спустя 20 лет, ее уверенность в них снова окрепла, и актриса снялась в ставшем притчей во языцх фильме “Скворец и Лира”. Где опять же и в последний раз аккомпанировала себе. Но не на фортепьяно, а на органе. Любопытно, что в одной из последних книг о Любови Орловой под этим кадром стоит подпись “Подготовка к концерту”. Очевидно, его приняли за фото, по меньшей мере, 20-летней давности, так роскошно выглядит 70-летняя звезда. Может, зря она тогда, в пятьдесят, усомнилась в своих возможностях сыграть молоденькую пианистку Катю Муратову...

Если хотя бы четверть из того, что Григорий Александров когда-то замыслил, а в ряде случаев даже записал, он не ленился бы запечатлеть на пленке, – цены бы ему не было. Чтобы не сожалеть потом, когда к чему-то уже нельзя было вернуться: вот, мол, “тянулся сердцем” (любимое выражение режиссера), да что-то помешало. К сожалению, слишком до многого не “дотянулся сердцем” этот мастер.

Впрочем, воспользуемся случаем (23 января Григорию Васильевичу Александрову 100 лет) и расскажем об одном таком “недотяннутом” режиссерским сердцем проекте.

ТАЛАНТ НЕ ЗАРОЕШ!

Сразу после “Встречи на Эльбе” Григорий Александров принялся за либретто фильма, в котором Любовь Орлова могла бы, наконец, явить публике еще один талант (кроме продемонстрированных в предыдущих картинах драматического, вокального и танцевального) – талант профессиональной пианистки.

Основания для этого давала сама жизнь актрисы. Ведь она училась в Московской консерватории по классу фортепьяно у профессора Карла Киппа. А Карл Августович славился еще и тем, что все, кто у него учился, – не становясь гениями, как воспитанники К.Игумнова и А.Гольденвейзера, – обретали главное: отличную фортепьянную технику. И хотя концертирующей пианисткой Любовь Орлова не стала, она всегда могла прибегнуть к помощи фортепьяно – в жизни и на экране.

В некоторых фильмах Александров уже делал попытки продемонстрировать пианистические способности звезды. В “Цирке”, где, пытаясь заглушить плач своего черного “бэби”, героиня бросается к спасительному роялю и собственноручно, без обычной в таких случаях подмены, исполняет виртуозный пассаж на тему “Песни о Родине”. Порхающие по клавиатуре руки Орловой-пианистки – это руки профессионала. Был еще легкий аккомпанемент поющим академиком в “Весне” и самой себе, исполняющей романс в “Глинке”. Остальные роли и вовсе не давали актрисе возможности развернуться в этом плане. Сочинившая “Песню о Волге” писмоносица Стрелка не ведала даже нотной грамоты. Ткачихе Морозовой в “Светлом пути” при ее сверхударной работе вообще было не до музыки, кроме звучащего в ее душе “Марша энтузиастов”. А уж у прожженной ЦРУшницы Шервуд во “Встрече на Эльбе” тем более трудно предположить какие-либо музыкальные наклонности.

Словом, нужен был фильм, где бы героиня Орловой стала пианисткой-профессионалкой, где бы ее игра на фортепьяно была главным, чем артистка занимается в кадре. И Александров садится за такой сценарий. Пока один, в дальнейшем, как он полагал, подключится его великий соавтор по “Волге-Волге” и “Веселым ребятам” Николай Эрдман.

Сценарий Александров назвал “ДО и ПО”, имея в виду жизнь его героини до и после революции. Излагалась эта история, которую сопровождала классическая музыка в исполнении Орловой, неожиданно комично, даже с элементами эксцентрики. Таким и замыслилось “ДО и ПО” – предельно комическим о серьезной музыке. Непонятно, правда, как 48-летняя Любовь Петровна собиралась изображать юную поначалу (в пределах “ДО”) героиню фильма Катю Муратову. Но режиссера и актрису вдохновил, видимо, опыт Веры Марецкой, сыгравшей в сорок с небольшим гимназистку в “Сельской учительнице”.

РЫЧАТЬ НАДО ВЕСЕЛЕЕ

Фильм, вернее, его либретто начинался...
...с двуглавого орла на вывеске винной лавки. Он превращался в спящего на заборе петуха.

Того сменял козел, бродивший вокруг пожарной каланчи. Спящий в ней пожарный.

Свинья в непросыхающей луже.

Словом, Медвежинск – глухая дыра царской России.

Тишина сонного городка нарушалась вдруг рычанием льва.

Закричал петух на заборе.

Вскочила в луже свинья.

Проснулся и чуть не свалился с каланчи пожарный.

Только козел остался на месте и занял боевую позицию.

В Медвежинск въезжал бродячий цирк. В клетке на телеге с клещей нехотя рычал тощий облезлый лев. Укротитель тыкал его прутом и умолял:

– Веселей, Цезарь! Подъезжаем!

– Цирк приехал! – вываливали отовсюду обитатели Медвежинска. Оказалось, в пустом поначалу городке – довольно многочисленное народонаселение.

Только Катя Муратова (ее и должна была изображать “юная” Орлова), живущая в услужении у мещанина Зуева, оставалась дома, с детьми. Грустно стояла она у окна с белой бумажкой, что означало, что в доме мещанина Зуева сдается комната. Ее и сняла циркачка Серафима, по афише Леонора, пианистка.

АКИМ ШИШКИН – ЧЕЛОВЕК-ДОМКРАТ

Леонора предложила Кате посмотреть представление цирка. Но с условием: когда богатырь, на груди которого она, Леонора, играет на пианино, три раза моргнет, Катя не своим от страха голосом заорет: “Хватит!”, заразит криком публику, и та, сама якобы остановит опасный номер. На оgorоде за домом состоялась репетиция. Леонора много раз моргала, и Катя все истощнее орала “Хватит!”. Можно представить, как уморительно это получилось бы у Орловой и Раневской, которую Александров собирался съигтировать на Серафиму-Леонору.

Вечером Катя оказалась в цирке. Вышел богатырь Аким Шишкин, встал на “мост”. Многочисленные помощники взгромодили на его могучую грудь площадку, водрузили на нее пианино. Все было обставлено предельно торжественно, чуть ли не как подготовка к “полету на Луну” в “Цирке”. У Шишкина, державшего на себе инструмент, даже мерили пульс (деталь, которую Александров не использовал в “Цирке”, где это должен был делать Кнецшиц с Марнион Диксон на пушке). На помост на его груди поднимается Леонора и играет нечто сугубо классическое – по контрасту с эксцентрическим способом исполнения.

Катя впервые слышит такую музыку и, очарованная, напрочь забывает об условленном с Серафимой “Хватит!”. Силач долго